

Бирюков Сергей ...Я вижу, живя...

24 апреля 2018 года отмечается 115 лет со дня рождения поэта и художника Николая Ивановича Ладыгина. О классике русского палиндрома рассказывает известный поэт, филолог, исследователь русского и европейского авангарда, доктор культурологии С.Е. Бирюков.

Летом 1970-го года в городе Тамбове проходил областной семинар молодых поэтов. Действительно молодых. Это позже мы надолго застрянем в молодёжном возрасте. А тогда Марине Кудимовой было 17 лет, мне было 20. Другие участники были постарше, в общем где-то до 30. И среди нас был один человек в возрасте, с седой окладистой бородой... Однако взгляд и голос были на удивление молодыми. Николай Иванович Ладыгин — так звали художника и поэта, ему было 67 лет. Свою молодость он вскоре подтвердил необычными стихами — палиндромическими, которые, кстати, изредка печатались в областной молодёжной газете «Комсомольское знамя». В том же 1970 году научно-популярный журнал «Русская речь» напечатал его палиндромический цикл «Времена года»...

Николай Иванович увлекся палиндромом в середине 1960-х годов. Каждому из нас знакомы слова «казак», «шалаш». Они читаются по буквам в обе стороны. Существуют и обратимые фразы. Помнится державинская строка: «Я иду с мечем судия». Палиндром пользовался полными правами у русских поэтов-силлабистов. Затем он практически исчезает из печати, продолжая существовать в устной традиции. И возвращается в литературу на новом этапе в XX веке. В 1913 году Велимир Хлебников пишет стихотворение «Перевертень», а в 1920 году палиндромическую поэму «Разин», включённую в первый том его пятитомного собрания произведений (собрание вышло в Ленинграде в 1928—1932 гг.).

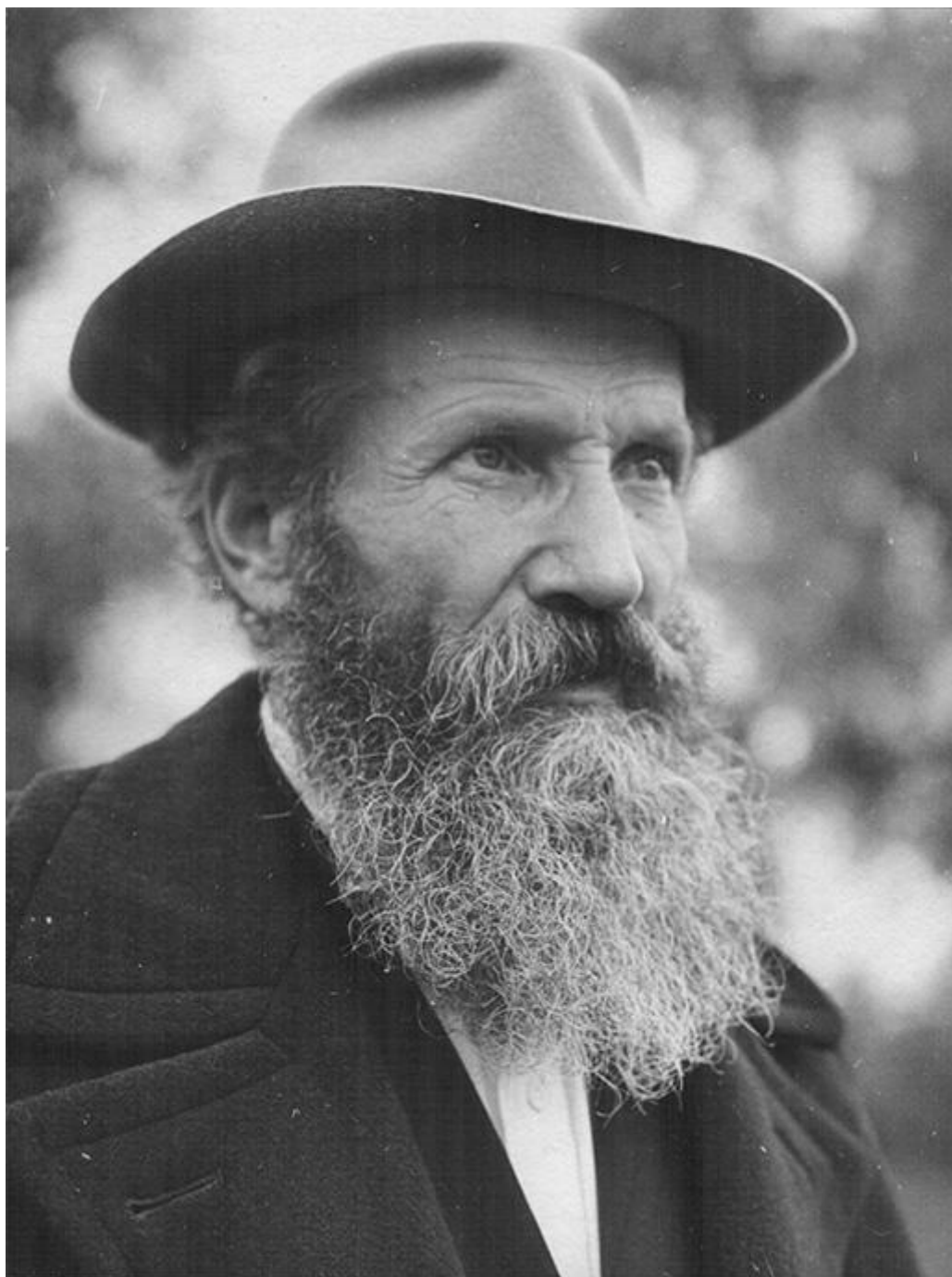
В 1966 году Семён Кирсанов писал, что «может быть, явится поэт, который развернуто применит зеркальную рифму, и это окажется естественным...» Очевидно, эта публикация в журнале «Наука и жизнь» (1966, № 7) сыграла большую роль в том, что Николай Иванович Ладыгин перешёл на палиндром. И это в самом деле оказалось для него естественным.

Он начал писать палиндромы, как пишут обычные стихи. Нужно было время на осмысление этой формы не только как технической или забавной. Времени у Николая Ивановича оставалось не так уж много. Он работал над палиндромами около десяти лет, до самой смерти в 1975 году, когда ему было 72 года. За эти десять лет он несколько раз пытался издать книгу своих палиндромов, обращался в разные издательства. Рукопись давали на отзыв, наряду с отрицательными отмечались и положительные рецензии. Но в основном рецензенты были озабочены тем, что будет «непонятно читателю», задавались риторическими для них вопросами — «стоит ли растрачивать силы на сочинение палиндромов?».

Были и другие голоса — А. Межирова, Н. Глазкова, М. Румянцевой, Ф. Сухова и некоторых других литераторов — сторонников того, чтобы ладыгинские палиндромы увидели свет. Но эти голоса не были услышаны.

Литературовед Б.Н. Двинянинов, до конца жизни размышлявший над произведениями своего друга и пришедший к метафорическому определению — «палиндром — космодром поэзии», оставил такую запись: «Палиндромы Ладыгина <...> явление исключительное в русской поэзии: по исключительному объёму <...>, по разнообразию охваченных тем, глубокой разработке их в труднейшей специфической форме и безупречному мастерству в пределах реалистического метода они бесспорно уникальны в поэтическом искусстве нового времени и заслуживают самого пристального внимания читателей и глубокого изучения... Издание палиндромов Н.И. Ладыгина отдельной книгой будет праздником и хорошим подарком для всех любителей поэтического слова и несомненным шагом вперед в развитии и теории акцентного стиха и раскрытии его неограниченных возможностей».

Добрые отзывы, хранящиеся в семейном архиве Ладыгиных, в своё время помогали Николаю Ивановичу стойко переносить издательское непонимание.

Николай Иванович Ладыгин

Становление Ладыгина-палиндромиста проходило в постоянном общении с тамбовским литературоведом Б.Н. Двиняниновым, блестящим знатоком русской поэзии и, что особенно важно, поэзии первой трети XX века. Именно Двинянинов познакомил Ладыгина с творениями Хлебникова. Но Ладыгин не стал его продолжателем. В поэзии Николая Ивановича (в отличие от Хлебникова) привлекала не философия слова, а его игровые возможности. Он писал акростихи, тавтограммы, то есть такие стихи, в которых большинство слов начинается на одну и ту же букву. Увлекался он и строгими формами. Например, написал венок сонетов.

Палиндромические стихи Ладыгин поначалу писал как шуточные, сатирические. Но дело в том, что палиндром, в силу своей специфики,

существенно меняет акценты. Он в значительной степени лишает стих описательности и выводит его к неожиданным обобщениям. Тут сказывается и то, что это наименее заштампованная форма. Если Ладыгин как автор тяготел к лирическому или юмористическому рассказыванию в рамках прямой логики, то сам палиндром обращал время вспять вместе со строкой, и таким образом возникал новый смысл. Надо сказать, что поэт быстро это уловил и наряду с лирико-юмористическими темами стал разрабатывать и другие. Тут не обошлось, конечно, без серьёзного влияния Б.Н. Двинянинова, благодаря постоянному общению с которым поэт обращается к различным событиям русской и мировой истории, к историческим личностям, образам поэтов, писателей, художников. Как правило, он описывает известные эпизоды, но в палиндромическом варианте эти эпизоды освобождаются от однозначности.

Так, явно под влиянием бесед с крупным специалистом в области древнерусской литературы Двиняниновым, была написана поэма о выдающемся писателе и религиозном деятеле протопопе Аввакуме. Здесь палиндромичность помогла воссоздать без стилизации страстный аввакумовский слог, причём не на уровне отдельных строк, даже таких мощных, как «Ада псари и распада!», а на уровне целого. Аввакум на наших глазах как бы заново проживает жизнь, постоянно возвращаясь к прошедшим событиям, как в Житии.

В своих исторических и биографических поэмах Ладыгин во многом шёл от позднего Маяковского, впрочем, используя гиперболизм его ранних поэм.

Какую бы историческую поэму Ладыгина мы ни взяли, увидим, как палиндром на наших глазах углубляет уже знакомую информацию. Особенно надо отметить, что палиндромические строки Ладыгина текучи, одна строка перетекает в другую, образуя единство. Естественно, что этот принцип диктует и чтение. Вот яркий пример из поэмы «Иван Грозный», самое начало:

*Ум, роняя норму,
Лих и хил.*

Можно сказать об этом и как-то иначе, обыкновенным стихом, но впечатление неизбежно будет потеряно. Палиндромичность в ещё большей степени, чем рифма, придаёт высказыванию объективность. Хотя это, как и в обычных стихах, происходит не всегда, а только в тех случаях, когда творческий заряд автора совпадает с объективной реальностью — воплощённой или угадываемой.

В лирических пейзажных стихах палиндромия выводила поэта к глубинному чувству и пониманию явлений природы. Палиндромия же сообщала стиху тот мощный напор, которым отличаются почти все стихотворения Ладыгина. Вот несколько строк из стихотворения «Марево»:

*О вера моя, о марево,
Вы ропот, то порыв,*

*Как
Ветер орете в
Окно. Так шуми, зимушка, тонко,
Намути туман,
Намашу игру пурги и шамань*

В конце жизни Николай Иванович думал о возможности сплошной палиндромичности.

Палиндром — сложнейшая форма, требующая особой изощрённости, огромного, непрерывно пополняющегося словарного запаса. Николай Иванович рассказывал, что он видит слова во сне, говорил: «Слова нет в словаре, а я знаю, что оно существует». При этом он практически обходился без неологизмов, лишь иногда использовал просторечия и областные слова из Даля. В то же время он активно использовал иностранные слова, которые в сочетании с исконно русскими давали самые неожиданные эффекты, например: «и крик кирки», «аккорд рока». Но всё-таки слов не хватало, даже в словарях, приходилось обращаться к «помощи» служебных. Это издержки обратимой строки. Они неизбежны. Можно говорить и о повторяемости в разных стихотворениях одних и тех же слов. Такие повторы бывают и у поэтов, пишущих «обычные» стихи, хотя в палиндромических стихах процент повторов явно выше. От этого трудно уйти. Но, как сказал художник Валерий Романов, «КТО ТУТ ОТК?» Эта шутливая палиндромическая строка возвращает нас к реальности: «Попробуй написать лучше».

К сожалению, издательская судьба творений Н.И. Ладыгина не складывалась и после его кончины. В 1975 году, сразу после его смерти, друзья и близкие стали предпринимать попытки издания. Сохранились письма Н.И. Глазкова Б.Н. Двинянинову, в которых он предлагает различные планы издания. Неожиданный подарок друзья и поклонники поэта получили 1 января 1979 года, когда в «Комсомольской правде» вышла статья А. Левиной о творчестве Н.И. Ладыгина.

Однако лишь в 1983 году, в очередном выпуске альманаха «День поэзии» появилась первая посмертная публикация (многие тексты в отрывках и сокращении). Главные же публикации стихов Ладыгина были сделаны автором этих строк в 1987-1988 годах в альманахе «Поэзия», журналах «В мире книг», «Волга», в ряде газет. Параллельно я готовил к изданию книги Ладыгина. Первая ласточка — миниатюрная книжица «Золото лоз» — с ласточками на обложке (художник Алексей Медведев) вышла в 1993 году при поддержке моего однокурсника, первого мэра Тамбова В.Н. Ковалёва. В начале двухтысячных вышли более полные книги «И лад и дали» (2002, Москва), «И жар и миражи» (2003, Тамбов), но именно эта миниатюрная книжица, вместе с журнальными публикациями, в течение десяти лет создавала особый палиндромический ореол Тамбову. В заключение приведу несколько высказываний о творчестве Н.И. Ладыгина. Известный лингвист, профессор В.Г. Руделев писал: «...Палиндромы Ладыгина прекрасны, это, безусловно, классический образец и огромное возвышение». Московский критик Владислав

Кулаков подчёркивал в своей рецензии, что Н. Ладыгин «один из тех мудрых поэтов, которые никогда на Руси не переводились. Эпитет “мудрый” самый точный для Н. Ладыгина, наиболее соответствующий его спокойному, ясному отношению к жизни и к искусству». Петербургский искусствовед А.Г. Раскин отмечал: «Почти каждое его произведение обладает тяжестью золотого самородка, даже самое маленькое стихотворение отличается удивительной уплотненностью словесной материи...». Известный поэт, философ и культуролог Константин Кедров словно на камне вырезал: «Палиндромы Ладыгина живут во всем. Взглянул на окно зимой и — “мороз улыбки дик был узором”. Взглянул на картину Гогена — “окно Таити, а тонко”. Почувствовал приход весны — “весна — реверанс Ев”. Открыл сборник Ладыгина — “я вижу, живя”».

Источник: Территория. 2015. 5 мая. URL: <https://gazetargub.ru/?p=8289>
(12.01.2026)